

Икона на войне (по материалам Русско-японской и Первой мировой войн)

Аннотация: В статье на опыте двух войн начала XX в. рассматриваются роль иконы на войне, отношение к ней со стороны священнослужителей, военнослужащих, а также и врага. Кроме того, освещаются истории двух чудотворных икон – Порт-Артурской и Августовской. Отдельное внимание уделено работе Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками и выявлению случаев осквернения и уничтожения икон. На основе исследования различных групп источников выявляется назначение иконы на войне, проанализированы как традиционные ритуалы, сопряженные с выносом икон, так и мероприятия пропагандистского характера, в которых иконе отводилась ключевая роль. Затрагивается также вопрос о причинах изменения отношения к иконам не только солдат и офицерства, но и самого духовенства, в т. ч. и протопресвитера военного и морского духовенства. Кроме того, в статье рассматриваются наиболее почитаемые именно в военное время иконы, прослеживаются судьбы отдельных икон, связанных с историей войн, их гибель и спасение, осквернение и сознательное уничтожение врагом. Освещаются проблемы, связанные с признанием чудотворными двух икон, анализируются вопросы иконографии, отношение к ней Синода, проблемы копирования и сохранности списков этих икон, а также обстоятельства их утраты и обретения. Анализируются причины неудач религиозной пропаганды в годы Русско-японской и Первой мировой войн.

Ключевые слова: Богородица, чудотворная икона, Николай II, Русско-японская война, Первая мировая война, военное духовенство, полковая икона, православная иконография Богородицы, протопресвитер, осквернение икон.

Annotation: The article, based on the examples of two wars from the beginning of the 20th century, reviews the role of icons in wars, the relationship of the clergy and the military towards them, as well as that of their enemies. Additionally, the article sheds light on the history of two specific miracle-working icons – the Port Arthur and the Augustów icons of the Theotokos. Special attention is given to the activity of the Extraordinary inquiry commission for investigating the violations of laws and war usage by the Austro-Hungarian and German troops and for the disclosure of instances of icon defilement and destruction. Based on the research of various source groups, the author reveals the designation of icons in wars, analyses the traditional rituals of carrying-out icons and the propagandistic endeavours where an icon was featured in a key role. The issue of the reasons for the change in attitude towards icons is also addressed, including change not only on the part of the soldiers and officers, but also on the part of the clergy itself, of the protopresbyter and military and naval clergy. Moreover, the article discusses the most venerated icons in these wartimes, traces the fate of individual icons connected with the history of the named wars, their ruin and salvation, their defilement and deliberate destruction by enemies. The author addresses the topic of the recognition of two icons as miracle-working, analyses the question of iconography and its assessment by the Synod, the problems of reproduction and preservation of the lists of these icons, as well as the circumstances of their loss and acquisition. The article furthermore studies the reasons for the failure of religious propaganda in the years of the Russo-Japanese War and the First World War.

Key words: Theotokos, miracle-working icon, Nicholas II, Russo-Japanese War, First World War, military clergy, military icon, Orthodox iconography of the Theotokos, protopresbyter, icon defilement.

«Существуют определенные общественные ситуации, при которых масштаб распространения и интенсивность проявления религиозности резко возрастают. К ним относятся практически все социальные катаклизмы и особенно войны» [28, 239]. Рост религиозных чувств и мистических ожиданий получает удостоверение в общественном сознании «чудесными» истори-

ями-преданиями. Упование на помощь Господа подкрепляется видимой символикой – нательным крестом, хоругвью и иконой. Предметы эти приобретают новый смысл, в особенности иконы. Именно войны «открыли» некоторые чудотворные иконы.

Начало Русско-японской войны кажется неожиданным. О ее приближении и неизбежности

говорили и писали уже давно, объяснение причин приближающейся войны в основном лежало в области рациональной, однако ни одна из предложенных идей не казалась достаточной для оправдания предстоящего противостояния. Рациональные объяснения незаметно вытесняются идеями мистического противостояния «Восток–Запад». Однако философская составляющая концепции делает ее еще абсолютно умозрительной и совершенно непригодной для широкой пропаганды войны.

Изумление от того, что война все-таки началась, вызывает в обществе некоторую растерянность. И даже тогда, когда пошла мобилизация, идея войны все еще не была определена. Быть может, поэтому самыми популярными поначалу становятся триада «За Веру, Царя и Отечество!» и патриотизм первых дней войны.

Если внимательно почитать телеграммы, опубликованные в газетах зимой 1904 г., то можно найти массу указаний на то, как на всем пути следования из Петербурга в Маньчжурию на каждом вокзале главнокомандующего благословляли и дарили ему иконы. Редактор сибирской газеты «Восточное обозрение» И. И. Попов в своих мемуарах упоминает о целом вагоне икон, которые увез с собой на фронт генерал-адъютант Куропаткин [26, 228]. Встречали поднесением икон и адмирала С. О. Макарова.

В конце февраля 1904 г. в Маньчжурию отправляется икона «Явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию Радонежскому». Явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию, изображенное на иконе, относят к 1385 г. [4]. Сама икона была написана в 1588 г. на досках гроба Сергия Радонежского Евстафием Головкиным. С тех пор икона побывала в польском походе Алексея Михайловича в 1657 г., в 1703 г. на Северной войне, в Москве в 1812 г. Она находилась в войсках и во время кампаний 1855 и 1877 гг.

В самом начале войны казначеем Троице-Сергиевой лавры архимандритом Никоном икона была доставлена в Петербург. 26 февраля 1904 г. газеты сообщили об отправлении иконы в действующую армию. Одновременно Обществом хоругвеносцев Троице-Сергиева посада был изготовлен шелковый стяг с изображениями преподобного Сергия, благословляющего на битву с татарами великого князя Дмитрия Иоанновича Донского, святителя Николая Чудотворца, св. Феодосия, архиепископа Черниговского, и преподобного Серафима Саровского.

О приезде иконы и о посылаемом благословении были оповещены и войска. Наконец икону привезли в Маньчжурию. Вот как описывает это событие И. Е. Иванов: «В центре аналой, вокруг него полковые священники; среди духовенства выделяется малиновой епитрахилью иеромонах Троице-Сергиевой лавры. Он сопровождает икону Явления Божией Матери преподобному Сергию – благословение обители маньчжурской армии <...> “На молитву – шапки долой! Г. офицеры к аналою!..” Офицеры отделиваются от строя, идут и кучками по частям полукругом становятся у аналоя; командиры частей, генералы – немного впереди, и впереди всех – генерал Куропаткин. Он по обыкновению стоит ровно и твердо с опущенными руками, изредка делая отчетливыми движениями небольшое крестное знамение. <...> Возгласы священника, приглашавшие помолиться, тусклое серебро ризы и темные лики святых на исторической иконе-складне привлекли мое внимание и дали другой, более подобающий минуте оборот мыслям. Икона эта издавна сопутствует русскому воинству. <...> И теперь здесь, в далекой Маньчжуррии, сибирские стрелки, горячо помолясь перед ней ввиду боевого похода, благоговейно крестились, когда по окончании молебна, отслуженного главным священником действующей армии отцом Голубевым, духовенство, сопровождаемое командующим армией, генералами и свитой, понесли икону по рядам. Обнесли по всем полкам, обход кончился» [10, 53–56].

Светлые парчовые облачения духовенства, разноцветные лампы перед иконами, подсвечники – «вся эта привычная с детства и давно невиданная обстановка церкви здесь, на полях Маньчжуррии <...> вызвала в воображении картины милой далекой родины, где в этот день во всех храмах, начиная от столичных соборов, придворных церквей и до последней бедной сельской церкви, чувства царя и народа слились в горячей благодарственной молитве Творцу» [10, 264]. Икона в этот момент превращается в символ поистине огромный. Это и единение царя с народом, и объединение фронта и тыла, и даже некое обретение самого себя.

Впрочем, восторг и воодушевление проходят от вида причетников и священников, суетливо спешащих поскорее запаковать икону, чтобы везти дальше. «Наше внимание отметило и отъезд иконы. Отец Голубев и толстый иеромонах с малиновой епитрахилью поехали в коляске, а ящик с иконой затрясся, подпрыгивая, в обык-

новенной двуколке. Само собой разумеется, – я не хочу этим сказать, чтобы икону в походе возили всегда в коляске, но разве нельзя было провезти ее по крайней мере перед фронтом войск в коляске – так, как возят, например, в Москве Иверскую, – и монахов вместе в карете. А то, смотря даже с объективной точки зрения, таким контрастом нарушалась цельность впечатления от религиозной церемонии» [10, 59], – сокрушается И. Е. Иванов.

27–30 апреля 1904 г. Духовное правление утвердило список церковных вещей, необходимых для полковой походной церкви. В поход предписано брать образ Спасителя и полковой образ. В сущности, эти иконы были стандартны, но некоторые полковые иконы имели уже довольно давнюю историю и восходили даже к XVIII в. Часть икон изготавливалась специально для полков, уходящих на войну, причем некоторые полки получали иконы во время «прощания» от самого государя. «Так, 33-му полку была преподнесена небольшая икона (5х6 вершков) с надписью на серебряной дощечке: “Благословение Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и супруги его Императрицы Александры Федоровны 33-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку. Март 1904 года”. 36-й полк, тот, что провел единственную за всю японскую войну наступательную операцию, в нескольких сражениях, до прибытия на фронт полкового знамени, шел в атаке с иконой св. великомученика Георгия Победоносца – даром Государя Императора Николая Александровича» [29]. 1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк получает от государя икону Серафима Саровского. Передача иконы состоялась на третий день Пасхи [10, 38].

Другие полки получали иконы от горожан. Вот как описывает проводы 215-го Бузулукского полка П. Ф. Чесский: «1 мая прибыли в Самару во главе с городским головой члены управы города Бузулука, привезшие с собой в благословение своему родному полку от граждан города прекрасную икону-складень высокохудожественной работы с изображением посередине Смоленской Божией Матери, по правую сторону – святой равноапостольной Марии Магdalины, по левую – святого Архистратига Михаила. С благословения епископа Самарского икона была встречена полковым священником с крестным ходом из гарнизонной церкви на вокзал и обратно, в сопровождении всего полка со знаменем. Сии иконы, поднесенные в знак особенно-го расположения местного населения к полку и

в воздаяние оказанных им услуг в течение пятидесятилетнего квартирования в городе Самаре, были взяты в поход, а царское благословение, икона святителя Николая, сопутствовала полку не только в походах, но и в боях, носимая знаменщиком на груди» [33, 28].

Кроме того, иконы отправляли на фронт различные благотворительные организации, в т. ч. Красный Крест, а также великая княгиня Елизавета Федоровна. Большинство икон были стандартные, традиционной иконографии, отпечатанные типографским способом.

Некоторые иконы, оказавшиеся на войне, разделили трагическую судьбу ее участников. «Так, в Порт-Артуре оказался иеромонах эскадренного броненосца “Победа” о. Никодим. 24 ноября 1904 г., во время гибели броненосца, о. Никодим, рискуя своей жизнью, под выстрелами неприятельских снарядов, при холоде извлек со дна моря св. Антиминс, сундучок со Святými Сосудами, часть ризницы и несколько небольших икон. Несколько раз проходил отважный священник по борту потонувшего корабля и отыскивал имущество корабельной церкви, скользил и падал, рискуя утонуть» [8, 34].

Еще одна икона, спасенная на этот раз из сданного Порт-Артура, – «Избавительница». В 1902 г. афонские монахи передали адмиралу Алексею икону Божией Матери – Избавительницы. Икона находилась в церкви при штабе крепости. «(Священник) о. Лаголев спрятал ее на себе, хотя и весила она более пуда, и потом, через Чифу, по морю на китайской лодке 80 верст он нес ее, едва не погибнув во время шторма, а потом через французское посольство доставил в Россию» [8, 35].

Другая икона – Дмитрия Солунского – небесного покровителя крейсера «Дмитрий Донской», поднесенная крейсеру в 1901 г., находилась в алтаре церкви крейсера и утонула вместе с ним. После завершения Цусимского сражения икону нашли японские рыбаки, которые отнесли к находке благоговейно. Японские же военные моряки, узнав, какому крейсеру принадлежала икона, вызвались передать ее «самому доблестному экипажу российского флота». Позднее, когда в 1948 г. владыка Нестор (Анисимов) приехал из Китая в Москву, он вручил военную реликвию святейшему патриарху Алексию I, а тот передал ее в Троице-Сергиеву лавру, где она хранится в настоящее время.

Такое отношение к иконам на этой войне для японцев, всячески подчеркивавших свою

верность нормам международного права, чрезвычайно характерно, а вот случаев осквернения икон не обнаружено. Даже напротив: заняв Порт-Артур, японцы поставили около церквей караул, чтобы пресечь возможность мародерства.

Имелись иконы и у военнопленных в Японии. Часть их (например, в Хаматера) была вывезена самими пленными из Порт-Артура. Кроме того, среди военнопленных оказалось «много просящихся писать иконы. Потому разосланы иконописный материал и инструменты: в Мацуяма – офицеру Инглизу, в Сидзуока – офицеру Рейнгардту, в Хаматера, Нарасино, Тохаси – нижним чинам» [6, 243]. Для церкви в Хаматера иконы писал Павел Петрович Хаулин. Он оказался очень талантливым иконописцем, а писал даже по заказу о. Николая для миссии «Воскрешение Лазаря» [9, 80].

Таким образом, иконы сопровождали солдат во все моменты войны, разделяя с ними и ужасы поражений, и тяготы плена. Большинство из них относилось к классической иконографии и не имело никаких особенных черт, позволяющих установить связь иконы с Русско-японской войной. Сюжетные предпочтения, конечно, имелись. Связаны они были либо с историей полка и полковой иконой, либо с нуждами полковой церкви, либо, наконец, с личными пристрастиями владельцев.

Икона традиционного письма, по мнению Норриса Стивена [39], больше отражала потребность войска, воплощая в себе «символ национально-культурной идентичности».

Вместе с тем ощущается некоторая потребность в «своей» иконе. Потребность эта восполнялась за счет религиозных картинок, лубков религиозного содержания. Один из самых распространенных образов этих картин – архистратиг Михаил. Встречаются также изображения «святых воинов Георгия, Феодора, Евстафия и Димитрия, побивающих различные силы зла» [31, 151].

Имеется также икона, теснейшим образом связанная с Русско-японской войной. Согласно преданию, в 1903 г., накануне Русско-японской войны Пресвятая Богородица явилась одному матросу, участнику обороны Севастополя, живущему в Бессарабии. Богородица повелела написать свой образ и доставить его в крепость Порт-Артур, обещая свое покровительство и победу русскому воинству тотчас по прибытии святой иконы в крепость. Не совсем понятно, когда произошло видение. По одним сведениям, оно было 11 декабря, по другим – 12 декабря 1903 г.

Потом – кому было видение? Многие авторы называют Федора, старика матроса, участника обороны Севастополя [16]. Но есть и другое имя – бывший матрос и Георгиевский кавалер Л. Е. Катанский [20] или Катинский [24]. Безусловно, все авторы сходятся в том, что он был матросом, участником обороны Севастополя и Георгиевским кавалером. Таким образом, для творцов легенды принципиальны преемственность воинской истории, тема героизма (Георгиевский кавалер и осада Севастополя) и православию и благочестие того, кому было видение.

Н. Б. Павлов отмечает как бы вскользь, что «старик матрос» не придал огласке свое видение, а направился в лавру, чтобы понять смысл своего сна. Надо отметить, что такой поворот событий неудивителен. В преданиях относительно чудотворных икон явления нередки именно простым людям – крестьянам, болящим горожанам, пастухам и т. д.

11 декабря 1903 г. этот человек прибыл в Дальние пещеры Киево-Печерской лавры и рассказал о своем чудесном видении монахам. Начался сбор пожертвований на написание образа. 10 000 богомольцев приняли участие в сборе средств, каждый вносил по 5 копеек, больше не брали. Так были собраны средства на краски и материал для иконы.

Выбранный по непонятной причине иконописец – Павел Федорович Штронда. Согласно легенде это был «бедный иконописец», к тому же не взявший за свой труд денег. Он называется также «крестьянином-живописцем» [11]. По другим данным Штронда – академик живописи [25, 14–16], однако в юбилейном справочнике Императорской академии художеств [38] о нем сведений нет. На самом деле Штронда жил в Киеве в доме И. И. Шатрова на Воздвиженской улице, где имел иконописную мастерскую. С его именем связывают только Порт-Артурскую икону, однако 18 июня 1941 г. в Киеве в клубе Рабис состоялась выставка 32 художников, среди которых упоминается и П. Ф. Штронда.

Итак, иконописец, «с верою дерзающе о Господе, приступи к труду и, исполняя повеление Богородицы <...> сооруди икону», следуя точному описанию матроса, все время находившегося рядом. По краям иконы сделали надпись: «Торжество Пресвятой Богородицы. В благословение и знамение торжества христолюбивому воинству Дальней России от святых обителей киевских и 10 000 богомольцев и друзей» [16, 6]. Согласно легенде работа длилась шесть недель.

За работу художник ничего не взял, а на камне, изображенном лежащим у ног Богородицы, оставил свой автограф [23, 76].

В марте 1904 г. написание иконы в Киево-Печерской лавре было завершено. В апреле 1904 г. монахинями Ново-Девичьего монастыря в Санкт-Петербурге были написаны копии иконы.

На Страстной седмице Великого поста 1904 г. образ торжественно освятили и отправили в Санкт-Петербург вице-адмиралу В. П. Верховскому. Верховский, в свою очередь, обратился к вдовствующей императрице Марии Федоровне. Она поручила доставить святыню в Порт-Артурскую крепость адмиралу Н. И. Скрыдлову, назначенному командующим Тихоокеанским флотом вместо погибшего адмирала С. О. Макарова. 14 апреля 1904 г. «победоносная главная хоругвь русской армии» покинула столицу.

Попытка переправить икону в Порт-Артур не увенчалась успехом. К тому времени, когда Скрыдлов прибыл во Владивосток, Порт-Артур был уже отрезан, и адмирал по телеграфу испросил у императрицы разрешения временно поставить образ во владивостокском Успенском соборе, что и сделал, получив 2 августа 1904 г. согласие Марии Федоровны. По железной дороге икона была доставлена во Владивосток, где ее встречал владыка Владивостокский и Приморский Евсевий (Никольский). Далее святой образ был временно помещен в Успенском кафедральном соборе Владивостока. Задержка с доставкой была вызвана объективными причинами: отсутствием свободных кораблей и активными военными действиями в осажденном Порт-Артуре. Было сделано несколько фотокопий и написана небольшая копия масляными красками на дереве. Снимки отправили по почте в порт Чифу, где находилось русское консульство, с просьбой при первой же возможности переслать их в крепость, однако по пути они затерялись. Живописную копию дважды пытался доставить в Порт-Артур матрос Пленков – оба раза безуспешно.

В итоге образ, «не обретя веры у воев наших в помощь Богоматери», так и не достиг Порт-Артура. Тщетной оказалась и самоотверженность отставного ротмистра лейб-гвардии Уланского его величества полка, героя Русско-турецкой войны Н. Н. Федорова, который, несмотря на свои болезни, отправился из Гатчины во Владивосток, чтобы все же провезти «первописанную икону» в обороняющуюся из последних сил крепость. Он из газет узнал о судьбе Порт-Артурской иконы и решил взять на себя труд-

ный и опасный подвиг – доставить икону к месту назначения. Его духовник, отец Иоанн Кронштадтский, дал ему на это свое благословение.

Но доставить икону вновь не удалось: сначала помешала буря, ее сменил мертвый штиль, а потом было уже поздно – 20 декабря 1904 г. Порт-Артур сдали. «Неудачу своей попытки, – сказал Федоров, – могу приписать только тому обстоятельству, что Царице Небесной неугодно было больше, чтобы святая икона Ея прибыла в Порт-Артур после того, как в течение семи с лишним месяцев не позаботились доставить ее по назначению» [23, 175].

Икона оказалась в ставке главнокомандующего генерала Куропаткина в Маньчжурии. Известно письмо о. Иоанна Кронштадтского: «Вождь нашего воинства А. Н. Куропаткин оставил все поднесенные ему иконы у японцев-язычников, между тем как мирские вещи все захватил. Каково отношение к вере и святыне церковной! За то Господь не благословляет оружия нашего и враги побеждают нас. За то мы стали в посмеяние и попрание всем врагам нашим» [3]. Существует, правда, версия, что после войны икона вернулась в Успенский собор Владивостока. В 1932 г. собор был закрыт, в 1938 г. взорван, и дальнейшая судьба иконы оставалась неизвестной.

То, что во время войны непременно должна возникнуть некая либо вновь обретенная, либо чудотворная икона, по мнению Норриса Стивена, не вызывает сомнений и даже является некой закономерностью. Однако судьба «Вратницы» и в самом деле удивительна.

В настоящий момент существует уже шесть списков иконы, выполненных в разное время между 1904 и 2005 г. Наиболее точный список (копия) находится в управлении Владивостокской и Приморской епархии Русской православной церкви Московского Патриархата. Небольшое количество списков было обусловлено тем, что в ноябре 1904 г. по распоряжению Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний указывает Ново-Девичьему монастырю вынести из собора копию Порт-Артурской иконы и запрещает писать новые копии, поскольку «икона по своему начертанию имеет особенности, не принятые в православной иконописи <...> был обман и <...> на ней Святая Троица разделена» [23, 81]. В это же время Синод препятствовал двум издателям – Коркину и Сойкину – в разрешении на печать цветных хромофотографий Порт-Артурской иконы на металле, поэтому массовой печати и распространения

не было, следовательно, православная Россия с этим образом была незнакома. В январе 1906 г. митрополит Киевский Флавиан высказался о возможности снимать копии с Порт-Артурской иконы при условии, что будет убрана надпись «и 10 000 богомольцев». Смутила не только надпись, но и композиция: никогда еще в иконографии Царицы Небесной не было изображения, на котором плат с Нерукотворным Ликом Спасителя держит она сама. Композиция согласно легенде была явлена «в благословение и знамение торжества христоролюбивому воинству Дальней России» [16, 6–7], «старика матросу», который сам участвовал в создании иконы, даже рисовал: «Однажды матрос был разбужен необычайным шумом, как бы от сильного ветра, и увидел: Царица Небесная, одетая в синий хитон, а поверх – в мафорий коричневого цвета, стоит на скалистом и довольно диком берегу какого-то большого моря. В руках Она держит продолговатый плат с сиреневой каймой, на котором изображен Нерукотворенный Лик Спасителя. Божия Мать стоит спиной к одному из морских заливов, а на берегу, в тумане, виден горящий в огне город. Его-то и осеняла Пресвятая Дева изображением Лица Сына Своего и Спаса нашего. Очи Ее молитвенно возведены к небу, а стопами Богородица попирала два обнаженных обоюдоострых меча.

Немного выше над Богородицей, по обе стороны от Ее Лица, стояли Архангелы. Архистратиг Михаил, вождь Небесного Воинства, располагался справа и держал в руке священную хоругвь. А слева, с ветвью белых цветов в правой руке, виднелся благовеститель Тайн Божиих – Архангел Гавриил.

Над главой Царицы Небесной, в облаках, Ангелы держали корону, увенчанную другой короной из двух перекрещенных радуг с крестом наверху. А еще выше над Царицей Небесной бесплотные Ангельские силы поддерживали облака, на которых в ослепительно белом свете восседал Господь Саваоф. Под стопами Его парили Серафимы, а в сиянии были начертаны следующие слова Святого Писания: “Да будет едино стадо и един пастырь”. Небесная Владычица, видя испуг старика матроса, ободрила его словами: “России вскоре на берегах далекого моря предстоит очень тяжелая война, и многие скорби ожидают Россию. Напиши образ, точно изображающий Мое явление, и отправь его в Порт-Артур. Если икона попадет в этот город, то православие восторжествует над язычеством

и русское воинство получит Победу, Помощь и Покровительство”» [16, 6–7].

Таким образом, необычная иконография Порт-Артурской иконы представляет собой странное соединение авторской концепции и народных представлений, некое стремление «усилить» изображение за счет военных символов и соединения образов Саваофа, Спасителя и Богородицы. До известной степени это объясняется стремлением придать образу максимально доходчивую смысловую нагрузку. Богородица соотносится с Россией, а в этой части композиции восходит к иконам Покрова Пресвятой Богородицы.

Особенный интерес в композиционном плане представляют мечи, на которых стоит Богородица. На одном списке – меч один, но разломанный, на другом – два. Но ни один не имеет признаков «самурайского» меча. Они вообще условны, как условным представляется противник в момент написания иконы. Само по себе изображение оружия на иконе Богородицы – факт редкий, если не исключительный.

Немаловажно и участие «старика матроса» в написании иконы. Надо отметить, что такой случай применительно к чудотворным иконам – также довольно редкий. Фактически деятельно участвуют свидетели откровения в написании икон Абалацкая и Неопалимая купина. Однако в нашем случае согласно легенде очевидно проявляется большую самостоятельность по отношению к художнику – даже сам что-то рисует...

Еще один двусмысленный момент в истории иконы – отношения государства и церкви. Сравнительная популярность Августовской иконы Божией матери и Порт-Артурской, нельзя не отметить – Порт-Артурская икона должного внимания к себе не привлекла. Само «явление» как-то не получило резонанса в печати, неканоническое письмо воспрепятствовало тиражированию иконы, отсутствие явных побед, которые можно было бы привязать к появлению иконы, – все это вызвало известное равнодушие и к факту появления, и к факту утраты ее.

Наконец, и само «обретение» иконы: образ был найден вновь в Израиле 17 февраля 1998 г., выкуплен и доставлен в Россию, 6 мая Порт-Артурская достигла Владивостока.

Однако еще раньше, в 80-е годы, иконописцы Михаил Самуилович Осипенко с братом Сергеем, работая в г. Киржаче, обнаружили необычную икону, которая называлась «Порт-Артурская Богоматерь».

Сергей выполнил копию иконы первым, и в 1993 г. она была выставлена в Москве на выставке современных икон в Белом доме. «Мы просили Хасбулатова продлить выставку. Этот вопрос даже ставился на голосование на Верховном Совете, однако необходимого числа голосов не набралось. Я говорил Хасбулатову: «Оставьте выставку, она будет вам бронезищитом». Не думал, что мои слова так скоро окажутся пророческими. Через неделю после закрытия выставки начались известные события», – вспоминает М. С. Осипенко [15].

Свою копию Михаил Самуилович выполнил к столетию явления иконы. Любопытны две детали, упоминаемые художником. Икону он начал писать в г. Покрове, и некоторое время работа оставалась незавершенной. Вдруг, «сам не зная для чего», он начал спешно заканчивать работу, причем «на этот раз в создании иконы приняла участие вся <...> семья: супруга Елена, сыновья Михаил и Даниил, дочь Екатерина – также иконописица» [15]. Исполненную копию было решено доставить в Порт-Артур (Люйшунь). Икону торжественно провожали в Леушинском подворье Санкт-Петербурга. На границе с Китаем возникло препятствие – в составе группы был иеромонах Георгий, и ему пришлось переодеться в светскую одежду. Саму икону везли в упакованном виде. На кладбище, где был установлен шестиметровый каменный памятный крест, перед иконой была поставлена панихида, затем в киоте креста была составлена специально изготовленная и освященная копия Порт-Артурской иконы, а сама икона самолетом доставлена в Россию, где ее 18 мая 2003 г. торжественно встречали в храме Леушинского подворья. Икона была передана в Свято-Троицкий Измайловский собор. 26 августа 2006 г. в соборе вспыхнул пожар. По счастью, возгорание только повредило купол.

Кроме Осипенко копии Порт-Артурской иконы были выполнены Ириной Геннадьевной Хромовой (Павлишиной). В Петропавловск-Камчатский в Никольский храм, окормляющий базу атомных подводных крейсеров, икона была пожертвована вместе с киотом, выполненным Геннадием Дмитриевичем Павлишиным. Он же по благословию своего духовника – настоятеля хабаровского храма св. Александра Невского, а ныне св. Георгия Победоносца – протоиерея о. Сергия (Мещерякова) выполнил мозаичный образ Порт-Артурской иконы. Этот образ был безвозмездно пожертвован в часовню св. Вик-

тора-воина, находящуюся на самой границе России с Китаем, на Большом Уссурийском острове под Хабаровском. Таким образом, через сто лет после явления Порт-Артурская икона обрела наконец заслуженное признание.

В настоящее время празднование в честь Порт-Артурской иконы Божией Матери внесено в общецерковный календарь, она считается покровительницей дальневосточного воинства России. По решению епархиального совета Владивостокской епархии и архиепископа Владивостокского и Приморского Вениамина установлено отмечать ее обретение 17 февраля и 6 мая.

Первая мировая война, так же как и Русско-японская, одновременно и ожидается давно, и кажется начавшейся внезапно. «Славянская идея», конечно, намного ближе русскому обществу, чем идея противостояния Востока и Запада, она кажется почти универсальной и легко включает в себя идею православия.

В первый же день войны, когда была объявлена мобилизация, в Петербурге, Москве и других городах проводятся молебны о даровании победы русскому оружию и шествия с иконами.

Если петербургский молебен больше производил впечатление присутствием на нем высочайших особ, то в Москве он проводится с византийской пышностью. Из храма Василия Блаженного вышел крестный ход, в котором принимали участие протоиерей Восторгов, священники Ковалевский, Грифцов, Федоров, Борисоглебский, иеромонах Илларию и протоиерей о. Розов. На импровизированный помост у памятника Минину и Пожарскому внесли образы Христа Спасителя из замоскворецкой часовни, Божией Матери из храма Василия Блаженного, св. Николая Чудотворца, Всех Скорбящих Радость, Иоанна Воина, Преподобного Серафима и Святителя Ермогена. Когда иконы были установлены, на трибуну взошел протоиерей Восторгов и предложил публике спеть «Спаси, Господи». На помосте к этому времени собрались члены Славянского комитета и общественные деятели. Началось молебствие. К 6 часам на митинг прибыли помощник градоначальника полковник В. Ф. Модль и градоначальник свиты его величества генерал-майор А. А. Адрианов.

Так с самого начала войны патриотическая идея сопрягается с иконой. С иконой проходят патриотические манифестации, с нею же проводят на фронт.

Во время Русско-японской войны протопресвитер военного духовенства А. А. Желобов-

ский озаботился, чтобы солдатам, отправляемым на фронт, при прощании обязательно выдавали подарки – конверт, в котором лежали несколько книжек духовного содержания и иконы-картинки. Новый протопресвитер – Г. И. Шавельский – находил это ненужным. Во-первых, маленькие иконки, как правило, получали еще дома. «Священник Федор Светозаров из города Борисоглебска Тамбовской губернии так вспоминал о тех днях: “Во все эти дни нередко отправлявшиеся на театр военных действий заходили в собор и другие церкви. Просили священника окропить святой водой или крестики, или маленькие иконки для ношения на груди...”» [32, 25]. Некоторым отправлявшимся в действующую армию «везло» еще больше. Например, офицерам 4-й лейб-гвардии Терской сотни собственного его величества конвоя нателный образок вручала сама императрица [32, 30]. Также при желании маленькие иконы солдаты могли получить от полковых священников, а те, в свою очередь, должны были покупать их на свои деньги.

Икон большого формата было довольно много – их отправляли на фронт различные благотворительные организации и частные лица.

Наиболее значимые иконы возили по фронтам. «...пышные богослужения с песнопениями, а также доставка известных икон или их копий на фронт казались наиболее эффективными способами привлечения солдат к церкви. Церковь надеялась, что они “восстановят единение всего народа с Господом в думах и молитве”». Они должны были стимулировать «духовный подъем» и «экстаз народного духа», отмечает Д. Байрау [1, 755]. Чудотворные иконы, по воспоминаниям Г. И. Шавельского, в Ставку привозились дважды.

В 1915 г. на фронт была отправлена икона Песчанской Божией Матери. Образ был явлен великому русскому святителю Иоасафу, епископу Белгородскому, в 1754 г. в городе Изюме под Харьковом. В 1792 г. икона была перенесена в Воскресенскую церковь на Пески. Летопись зафиксировала множество случаев исцеления от Песчанской иконы Богоматери. Отправке иконы на фронт предшествует мистическая история.

5 сентября 1915 г. в Воскресенский храм явился некий военный, которому было видение, что икону срочно нужно доставить на фронт и что теперь только одна Мать Божия может помочь людям, замоливать грехи их у Престола Всевышнего и спасти Россию. Добившись личного распоряжения государыни Александры

Федоровны, князь Жевахов повез икону Божией Матери в Ставку. Икона прибыла в Могилев как раз в день тезоименитства наследника: «...вместо крестного хода с царем во главе, вместо торжественной встречи чудотворного образа Божией Матери, прибывшего в Ставку по повелению святителя Иоасафа для спасения России, будущее которой становилось все более грозным и тревожным, – и на вокзале один Е. И. Махараблидзе. И хотя я знал протопресвитера Шавельского и то, что это маловерующий человек, один из тех прогрессивных батюшек, для которых священнодействие являлось только обязанностью службы, однако такого небрежения к святыне я не мог ожидать», – сокрушался Н. Д. Жевахов [7, 35].

Государю о прибытии поезда из Харькова не докладывали, а князю было заявлено, что в Ставке некогда заниматься пустяками. Однако короткая встреча князя Жевахова с государем произошла, после чего иконы были оставлены в Ставке на несколько месяцев до конца 1915 г., но крестного хода с ними по линиям фронта не состоялось.

Князь Жевахов в своих воспоминаниях даже передает, что на вопрос, будет ли крестный ход с иконой, Г. И. Шавельский ответил буквально следующее: «Да разве мыслимо носить эту икону по фронту! <...> В ней пуда два весу... Пришлось бы заказывать специальные носилки... А откуда же людей взять... Мы перегружены здесь работой, с ног валимся» [7, 37]. Впрочем, Н. Д. Жевахову, испытывавшему к Г. И. Шавельскому весьма откровенную неприязнь, верить в этом вопросе не приходится хотя бы потому, что другие иконы по фронтам возили. Кроме того, сам о. протопресвитер тоже описывает эту историю, но, конечно же, совсем по-другому.

«Не помню точно, когда именно, – кажется, в октябре 1915 г. – я получил телеграмму от кн. Жевахова из Харьковской губернии, извещавшую меня, что он по повелению Императрицы привезет в Ставку такого-то числа Песчанскую чудотворную икону Божией Матери. <...> По получении телеграммы я немедленно доложил Государю, что по повелению Ее Величества прибывает икона. Мой доклад для царя оказался полной новостью, которую он принял с нескрываемым удивлением, сказав мне: “Странно! Ее Величество ни словом не предупредила меня об этом”.

Это действительно было странным, ибо они переписывались почти ежедневно.

Государь все же поручил мне встретить св. икону и поставить ее в штабном храме. Никаких военных нарядов при встрече иконы Государь не велел устраивать, не до них тогда было, ибо Ставка переживала тяжелую пору.

В назначенный час я выехал на вокзал к поезду, с которым должна была прибыть св. икона. Святыню в особом салон-вагоне сопровождали кн. Жевахов и священники. Приложившись к св. иконе, я перенес ее в крытый автомобиль, в котором все мы направились в штабную церковь. Там на паперти святыню встретило духовенство в облачениях с певчими, при колокольном звоне. Внеся св. икону в церковь, я облачился, и все мы вместе отслужили пред нею молебен (бывший во время войны начальником моей канцелярии Е. И. Махараблидзе думает, что я на вокзал не выезжал, а встретил икону у храма и после этого служил молебен)» [36, 74–75]. Далее Г. И. Шавельский тоже объясняет разговор о том, почему войска не участвовали во встрече иконы. Он объясняет все распоряжением государя «не делать парада», но Е. И. Махараблидзе утверждает, что «встречи с крестным ходом не было, т. к. не хотели выбивать жизнь Ставки из колеи, да и поздно получилась извещение, не успели бы сделать такой большой наряд» [36, 75].

Дальше князь и протопресвитер ссорились на каждом шагу – куда поставить икону, какой молебен служить.

Наконец князь в раздражении покидает Ставку. По словам протоиерея А. Ф. Крыжко, приводимым Г. И. Шавельским, напоследок с Н. Д. Жеваховым произошел случай несколько курьезный. Вместе с Песчанской была привезена «довольно запущенная» небольшая Владимирская икона Божией Матери – родительское благословение Святителя Иоасафа. Ее установили на левом клиросе на переднем плане. «После отправления на вокзал Песчанского образа <...> минут через 30–35 после закрытия храма вдруг раздался частый и сильный стук в железные западные двери. <...> Когда открыли дверь, то я (Г. И. Шавельский. – Л. Ж.) увидел пред собой с трясущейся нижней губой и перекошенным от злобы лицом Жевахова, который с шипением и слюной набросился на меня, почему мы не отправили на станцию икону – родительское благословение Св. Иоасафа. <...> После этого Жевахов ударил по левой и правой створке, как бы невидимого врага в правую и левую щеку, закрыл таким образом футляр, схватил его под мышку и, злобно бормоча что-то, пошел к выходу. <...>

Подойдя к автомобилю, он бросил ее (икону. – Л. Ж.) на сиденье, а затем вошел в него, запахнулся в свою николаевскую шинель и уселся на икону. Когда Семейкин подбежал к нему и крикнул: «На икону сели, ваше сиятельство», – то «сиятельство», не обращая внимания на это предупреждение, крикнуло шоферу: «На вокзал», – и так уехало» [36, 80].

После революции 1917 г. образ Песчанской Божией Матери был утрачен и вновь обретен только в 1998 г. Сейчас икона находится в Преображенском храме села Пески близ города Изюма. Там же хранится копия, подаренная государем Николаем II.

Из тех икон, которые возили на фронты, многократно упоминается Владимирская икона Богородицы [35, 599]. Владимирский чудотворный образ Пресвятой Богородицы был привезен в Ставку государя в субботу перед праздником Пресвятой Троицы 28 мая 1916 г. по желанию императрицы Александры Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны в сопровождении протопресвитера московского Успенского собора Н. А. Любимова, протоиерея Н. Пшенишника и протодиакона К. В. Розова.

С крестным ходом ее пронесли между шпалерами войск к Спасской церкви (церкви Ставки). Император с сыном, со свитой и высшими чинами Ставки встретили икону на вокзале, затем вернулись на автомобиле на Губернаторскую площадь и вышли навстречу крестному ходу. Царь с Алексеем вошли в храм и присутствовали на многолюдной всенощной службе. Отношение к иконе было настолько серьезным, что Николай II тщательно фиксирует ее передвижения в дневнике, записывая название образа полностью: «28-го мая. Суббота. Сегодня прибыла чудотворная икона Владимирской Божией Матери и в шестом часу была торжественно перенесена в штабную церковь, после чего был отслужен краткий молебен и всенощная. <...> 30-го мая. Около 10 часов пошел с Алексеем в церковь; обедня кончилась, и икона Владимирской Божией Матери была вынесена на площадку против моего дома, и здесь был отслужен молебен. Затем все начали прикладываться. Когда мой доклад окончился – икону понесли на станцию – она посетит войска Западного фронта» [5, 233–234]. Наследника же, как показалось Г. И. Шавельскому, гораздо больше заинтересовали прибывшие с иконой протопресвитер Любимов и протоиерей Розов: «И при встрече иконы, и при богослужениях в следующие дни

он буквально не сводил глаз с этих великанов, поразивших его и своим ростом, и своей тучностью» [36, 74].

Позже Владимирская икона Божией Матери была доставлена на Западный фронт, а «2-го июня все чины IV армии с генералом А. Ф. Рагозой во главе» [35, 599] прощались с иконой, которая затем оставалась в Ставке в храме Пресвятой Троицы до апреля 1917 г., когда по приказу генерала Алексева была возвращена в Москву.

В Ставке хранились и другие иконы, в том числе и «Явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию Радонежскому» [16, 605].

Икону торжественно, с музыкой, встречали на вокзале великий князь Николай Николаевич и духовенство. Протопресвитер вошел в вагон, принял образ и осенил им народ, после чего к иконе приложились великий князь и старшие чины штаба. Крестным ходом икона была перенесена в церковь, где состоялся молебен.

Вообще надо отметить, что в Ставке была устроена превосходная церковь, иконостас которой составляли «образа, кресты и прочие священные подношения, направляемые в Ставку великому князю Николаю Николаевичу в большом количестве. Здесь имеются ценные иконы, но есть и простые образки от крестьян и солдат» [13, 603], читаем мы в мартовском 1915 г. номере «Летописи войны». Журнал как бы подчеркивает молитвенную связь между государем, главнокомандующим и армией.

Надо отметить, что и государь, и великие князья не пропускали ни одной службы в церкви и с огромным пиететом относились к иконам. Тем удивительнее выглядит история с Песчанской – иконой, которой как будто бы пренебрегли. Однако на самом деле виновником неловкой ситуации был о. протопресвитер.

Отношение Г. И. Шавельского к иконам на фронте заслуживает особенного внимания. В своих воспоминаниях он неоднократно обращается к этой теме, причем взгляды его на этот вопрос в некотором смысле определяются его политической позицией. Испытывая неприязнь к Жевахову, он утверждает, что вся история с Песчанской для князя была не более чем способом обратить на себя внимание государя [36, 72]. Привоз иконы в Ставку становится также следствием мистических настроений императрицы: «Разные же сновидцы и предсказатели <...> то и дело сообщали ей чрез ее приближенных или ей непосредственно – о своих вещих снах и видениях, которые иногда своди-

лись к тому, что следует лишь в Ставку или на фронт привезти такую-то чудотворную икону, и тотчас Господь пошлет армии победу. Императрица принимала такие вещания к сердцу и просила Государя распорядиться о доставлении той или иной чудотворной иконы в Ставку» [36, 72–73]. Свое положение Г. И. Шавельский называет «щекотливым»: «Отнюдь не отрицая благодатной силы, осеменяющей св. иконы, я все же не мог не сознавать, что рекомендуемый способ достижения победы нельзя признать верным и даже безопасным <...> Чтобы помощь Божия пришла к нам, мы должны были заслужить ее, а для этого, конечно, недостаточно было привезти в Ставку ту или другую икону. Злоупотребления и даже неосторожность в этой области, не принося пользы военному делу, могли подрывать и убивать веру. Но меня могли не понять и за выражение несочувствия желанию царицы легко обвинить в неверии» [36, 73].

В то же время в одной из брошюр, изданных с ведома протопресвитера [27, 25–27], сохранился рассказ о привидевшемся протопресвитеру во сне черном кресте и иконе на могиле Сергия Радонежского (накануне переноса иконы в Ставку).

Иногда в комментариях о. протопресвитера проскальзывает заметное раздражение: «Очень часто, бывало <...> представляли за “величайшие святыни” старые иконы и такие же предметы из церковной утвари. И все это нужно было не только принять и поставить в <...> храмах на видном месте, но и непременно доложить об этом их величествам, т. к. это были: или “величайшие святыни”, или редчайшие по своему художественному замыслу и драгоценнейшие вещи <...> По уверению сих господ, иконы имели обычно в своем формуляре или необыкновенные чудеса, которые уже совершились, но почему-то не записаны в историю, или эти чудеса имеют тут совершиться, если с верой будут прибегать к их заступничеству, о чем такому-то благочестивому старцу или старице был сон. Церковные предметы вели свою родословную чуть ли не от св. Ольги, бабушки Владимира Красного Солнышка. О всех этих достоинствах представляемого они имеют всеподданнейше их императорским величествам лично доложить... Было таких сотни, и некоторым удавалось “доложить” на орден, чин, должность или повышение в ней, смотря по тому, как об этом информированы их величества Анной Александровной Вырубовой <...> Отказ в докладе обыкновенно

формулировался ими как измена Государю окружавших его лиц, за что постигнут царя и Родину величайшие бедствия» [36, 79].

Надо отметить, что Г. И. Шавельскому действительно приходилось непросто. Если с навязчивыми дарителями-карьеристами еще можно было справиться, то как быть с чудесами?..

Одна из самых удивительных икон Первой мировой войны – Августовская икона Божией Матери. Этот образ посвящен чудесному явлению Богородицы русским воинам в начале Первой мировой войны.

В ночь с 31 августа на 1 сентября 1914 г. близ города Мариамполя Сувалкской губернии солдатам обоза 2-го разряда кирасирской бригады была явлена Богородица в необычном сиянии с Богомладенцем Иисусом Христом, сидящим на Ее левой руке. Правая рука Ее была отведена как бы в благословение русского воинства или как указание пути на Запад и предвещание скорой победы России.

В сентябре 1914 г. произошло сражение под Августовом, в котором русские одержали победу над немецко-австрийскими войсками. В газетах сразу же появилось известие о явлении Богородицы под Мариамполем, которое связали с победой под Августовом, что, очевидно, послужило причиной наименования образа Августовским. Одна из первых газет, поместивших краткую заметку о чудесном явлении («Чудо»), – «Биржевые ведомости» в № 14395 от 25 сентября 1914 г. Между прочим, А. И. Фарберов совершенно справедливо отмечает некоторые неслучайные случайности, связанные уже с этой публикацией. Во-первых, «заметка вышла в день праздничный для всей православной Руси, – когда верующие чтут память святого преподобного Сергия, игумена Радонежского» [32, 118]. Во-вторых, «материал в газетной заметке был подан так, что у читателей невольно возникала мысль о пространственно-временной связи двух событий – Августовской победы и предшествовавшего ему явления Божией Матери на небе русским воинам» [32, 120].

Статья вызвала резонанс. «Ввиду появившихся уже в продаже отдельных изданий с описанием означенного чудесного события и возникающей отсюда необходимости скорее выяснить вопрос о действительности этого события» [21, л. 7] к Г. И. Шавельскому обращается обер-прокурор В. К. Саблер с просьбой назначить расследование. Затеялась огромная переписка. Здесь А. И. Фарберов также усматривает несколько

любопытных обстоятельств. По его мнению, и за самой публикацией, и за настойчивостью В. К. Саблера вполне могло скрываться влияние на ситуацию как самого Николая II, так и великой княгини Елизаветы Федоровны [32, 176–178].

Между тем Г. И. Шавельский не торопится, явно не понимая, к чему такая спешка. 15 ноября 1914 г. он доносит В. К. Саблеру, что расследование поручено главному священнику армий Северо-Западного фронта протоиерею К. Богородицкому, но донесение от него еще не поступило [21, л. 9–9об., 10]. Одновременно в журнале «Вестник военного и морского духовенства» [30] помещено письмо священника лейб-гвардии ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка Иоанна Стратановича о событиях под Мариамполем. Правда, потом выясняется, что заметка Стратановича составлена со слов поручика А. Н. Зернеца [21, л. 16об.].

11 января 1915 г. Г. И. Шавельский сообщил обер-прокурору, что получил от К. Богородицкого отчет о расследовании на 9 листах [21, л. 12].

Доклад С. В. Щербаковского вроде бы не оставляет сомнений – им были лично опрошены кирасиры ее величества: Тех Иван, Лакеев Иван, Скрипель Григорий и Серегин Димитрий [21, л. 14]. Показания свидетелей во многом сошлись. Правда, некоторые обстоятельства дела по-прежнему вызвали недоумение. И С. В. Щербаковского, и К. Богородского поражает, например, что «священники кирасирских полков отцы Стратанович и Концевич отнеслись к столь исключительному событию так безучастно и невнимательно» [21, л. 16об.]. Более того, несмотря на указание Стратановичу «представить возможно полные сведения о явлении Божией Матери, до сих пор им ничего еще не представлено» [21, л. 15об.].

Получив отчеты, Г. И. Шавельский сообщает В. К. Саблеру, «что, по его мнению, означенное событие, имеет безусловную достоверность» [21, л. 95].

К этому времени вести о чуде распространились, стали печатать листовки с изображением явления, начали писать иконы. Одна из них была написана 12 ноября 1915 г. Внизу иконы надпись: «Сия икона сооружена иждивением казачек хутора Клецко-Почтовского о здравии воинов». Ниже 52 имени казаков – свидетелей явления – и дата: «1915 г. 12 ноября». Икона была передана в Свято-Вознесенский Кременецкий монастырь.

Перед Синодом встал вопрос о допустимости печатания изображения «Знамения Авгу-

стовской Пресвятой Богородицы», или «Явления воинам Богоматери».

16 февраля 1915 г. поступило прошение вдовы присяжного поверенного Ольги Александровны Ильиной, проживавшей по адресу Артиллерийская ул., д. 92, кв. 26, «о разрешении ей приступить к изданию написанной ею иконы явления Божией Матери 16 сентября 1914 года пред Августовским сражением». Кроме того, в Петроградский духовный цензурный комитет поступило на рассмотрение изображение «Знамения Августовской Пресвятой Богородицы», составленное Париковым на основании газетных сообщений о явлении Богоматери, а также прошение типографии Кюгельген, Глич и К о разрешении тиражировать изображение «Знамения воинам Богоматери» [21, л. 28, 28об., 29].

В результате 31 марта 1916 г. после тщательного изучения сведений, представленных военными священниками с Северо-Западного фронта, Синод принял решение запечатлеть помянутое событие явления Божией Матери и одобрить в качестве образца для писания икон Августовской Богоматери «изображение помянутого события, принадлежащее вдове присяжного поверенного Ольге Ильиной» [21, л. 95об.].

Позже «Издательский совет при Святейшем Синоде, рассмотрев во исполнение поручения Святейшего Синода от 23 сентября сего года написанную вдовой присяжного поверенного Ольгой Ильиной икону, изображающую явление Божией Матери русским воинам вблизи города Мариамполя, нашел ее совершенно не отвечающей художественным требованиям церковной живописи и, кроме того, неудовлетворительной с точки зрения анатомического построения фигур. Такой образ может служить только смущением религиозных чувств христиан, почему Издательский совет и не может одобрить его в качестве оригинала написания с него икон» [21, л. 101–101об.]. В настоящее время насчитывается пять сохранившихся изводов этой иконы [18], один из них находится в Канаде и особо чтится в семье потомков рода Романовых. Кроме того, тиражировались и рисунки, исполненные различными авторами.

Икона, переданная в Свято-Вознесенский Кременецкий монастырь, в 1918 г. была скрыта архимандритом Пантелеимоном, а после его смерти хранилась в храме г. Фролово и возвращена в монастырь после 1992 г.

17 апреля 2008 г. святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II по представле-

нию Издательского совета Русской православной церкви благословил внести в официальный месяцеслов празднование в честь Августовской иконы Божией Матери. Празднование установлено совершать 1 сентября.

Говоря о чудесах на войне, Д. Байрау называет их «последним оружием церкви» [1, 766] и разделяет на «агрессивные» и «пассивные». «К первым принадлежали стандартные небесные явления Святой девы Марии, Креста или других священных знаков, которые, как правило, указывали врагу дорогу домой». Однако в некоторых случаях представления о чудесах, сопряженных с иконами, носили почти бытового характер и как чудо даже не воспринимались.

Так, в 1915 г. «Вестник военного и морского духовенства» опубликовал статью П. Масолова «Церковь в лесу» [17, 360], в которой, в частности, говорится об обретении иконы Смоленской Божией Матери: «...один из солдат-плотников стал срубить дерево для основных колонн-укреплений и тут же около дерева увидел икону, которую сейчас же предъявил своему эскадронному командиру. Это было 18 марта, в день начала устройства шатровой церкви, ровно через 8 месяцев после объявления полку мобилизации. Все сочли такое стечение обстоятельств особо хорошим предзнаменованием и благословением Божиим». В дальнейшем никаких чудес, спасений и исцелений от этой иконы не ожидалось, обнаружение иконы носит вполне объяснимый и действительно очень бытового характер.

Что касается «многочисленных рассказов о чудесных спасениях» [1, 766], то один из таких рассказов – очень трагический и вместе с тем очень похожий на историю иконы с крейсера «Дмитрий Солунский». Образ Спасителя – практически все, что осталось от крейсера «Паллада». О гибели его оповестил морской генеральный штаб: «27 сентября в Балтийском море было обнаружено появление неприятельских подводных лодок. Утром означенного дня подводными лодками был атакован крейсер “Адмирал Макаров”, остановившийся для осмотра подозрительного парусного баркаса, шедшего под коммерческим нидерландским флагом. Лодка выпустила по крейсеру несколько мин, которые, к счастью, прошли мимо, не причинив “Адмиралу Макарову” никакого вреда. 28 сентября, во 2-м часу дня, неприятельскими подводными лодками были вновь атакованы наши крейсера “Баян” и “Паллада”, бывшие на дозорной службе в Балтийском море. Несмотря на то что крейсера сво-

евременно открыли сильный артиллерийский огонь, одной неприятельской лодке все-таки удалось выпустить мину в крейсер “Паллада”, на котором произошел взрыв, и крейсер стремительно затонул со всем своим личным составом» [2, б/п]. «Паллада» стала первым российским боевым кораблем, погибшим в Первой мировой войне. «Через несколько дней у острова Кокшер нашли поднявшийся из пучины судовой образ крейсера “Паллада” – Спаса Нерукотворного, – к всеобщему изумлению, не имевший на себе не только никаких повреждений, но даже царапин. Образ передали храму Спаса на водах в Петрограде, сооруженному в память моряков, погибших в войну 1904–1905 годов» [19, 266]. В 1932 г. храм был взорван. Икона, очевидно, при этом тоже была уничтожена.

Вообще судьба икон на войне нередко складывалась трагически. Они подвергались поруганию, осквернению и уничтожению. Выше уже говорилось об уважительном отношении японцев к предметам православного культа. Европейские же противники России вели себя совершенно иначе. Невзирая на имевшиеся правовые нормы, они оскверняли места богослужений и иконы, причем делали это совершенно сознательно.

29 января 1915 г. Государственная дума «признала необходимым, чтобы при Министерстве иностранных дел была учреждена Следственная комиссия для расследования нарушений германцами, австрийцами и турками международного права, правил и обычаев войны» под председательством барона Нольде, а позже – под председательством сенатора Кривцова.

Сведения об осквернении икон и святынь, выявленные комиссией, были опубликованы в 1916 г. Комиссии удалось собрать довольно значительное количество фактов истребления и осквернения мест богослужения, икон и предметов культа.

Так, в сентябре 1914 г., «во время пребывания дивизионного лазарета 7-й Сибирской стрелковой дивизии в местечке Рачки, близ г. Августова, исполняющий обязанности младшего дивизионного врача Николай Павлович Студенцов нашел среди двора <...> икону Христа Спасителя, оскверненную человеческими испражнениями, находившимися на левой стороне лика Спасителя <...> По дальнейшим рассказам жителей местечка Рачки, немцы неоднократно совершали осквернение икон и святынь, чтобы проявить перед местным населением

свои чувства презрения к русским и их религии. Особенно часто немцы совершали поругание икон, принадлежавших русским войсковым частям. Найденную икону Студенцов 28 ноября 1914 г. представил протопресвитеру военного и морского духовенства отцу Григорию Шавельскому, которым она была передана в походную церковь при Ставке верховного главнокомандующего, где хранится и поныне. О нахождении ее в церкви при Ставке его императорскому величеству государю императору благоугодно было указать председателю Чрезвычайной следственной комиссии, первоприсутствующему сенатору А. Н. Кривцову при всеподданнейшем докладе 15 января 1916 г.» [22, 5–6].

В первых числах ноября 1914 г., после оставления австрийцами г. Келец, «в одной из конюшен местных казарм, ранее занятой неприятелем, была найдена в навозе икона св. Николая Чудотворца, написанная на цинковом листе <...> По смывии грязи на иконе были обнаружены три сквозных штыковых и три пулевых повреждения и одно небольшое отверстие, в котором застрял осколок пули <...> Кроме того, на лике имелась вдавлена, которая по очертанию и характеру своему, несомненно, произошла от удара каблуком сапога <...> Последнее обстоятельство в связи с многочисленностью и разнообразием повреждений не оставляет сомнения в том, что повреждения на св. иконе являются результатом не какой-либо неосторожности или случайности, а были произведены умышленно, в целях глумления над православной святыней» [22, 3–4].

В декабре 1914 г. ефрейтор 2-го Туркестанского стрелкового полка Андрей Осипов обнаружил в костелах сел Гурдуцк и Зиньбок разбитые иконы, причем они «висели на стенах на значительной высоте от пола» [22, 2].

В начале мая 1915 г., после отступления немцев из Августовского уезда Сувалкской губернии, настоятель Гольнской церкви священник Петр Копаневич в Рудавской церкви обнаружил, что «пять икон: Иверской Божией Матери – в алтаре на горнем месте, другая икона Божией Матери – над жертвенником, местная икона Божией Матери – на иконостасе и иконы Божией Матери и Спасителя – на Царских вратах – носили следы ударов, по-видимому, штыками и саблями в виде перекрещивающихся продольных линий и поперечных отверстий» [22, 3].

В октябре 1915 г. командир 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона Нечаев направил в редакцию петроградского журнала

«Солнце России» фотографию из найденного им немецкого журнала, изображавшую постой немцев в церкви. «В Царских вратах вынут или выбит лик-медальон Апостола, и через образовавшееся круглое отверстие из алтаря смотрит немецкий солдат с шапкой-бескозыркой на голове, другой германский солдат с такой же шапкой выглядывает из алтаря, поднявшись с правой стороны на иконостас» [22, 4].

Обращает на себя внимание разница отношения к поруганию икон со стороны солдат и офицеров, обнаруживших факты кощунства, и со стороны о. протопресвитера. И офицеры, и солдаты не остаются равнодушными к этому свидетельству варварства, подбирают иконы, составляют рапорты, шлют письма в газеты.

Что же касается о. протопресвитера, то он сохраняет безучастность, даже равнодушие. Его позицию можно объяснить не только его личными убеждениями и отношением к служению священника на войне, но и отсутствием механизма правосудия в его руках. Между прочим, и комиссия, созданная по инициативе Государственной думы, а не по ходатайству о. протопресвитера, работала медленно и сведения собирала долго. Расследования событий 1914 г. производятся только в 1915–1916 гг. И здесь возникает проблема: если свидетели еще что-то помнят, то нередко при допросах не хватает вещественных доказательств – снимков, протоколов, рапортов и т. д. Задokumentированными оказались фактически только случаи в Рудавской церкви, когда священник П. А. Копаневич снял фотографии с места происшествия, и случай в Кельце, где нашедшие икону попытались самостоятельно провести что-то вроде осмотра места происшествия, экспертизы повреждений, а также сфотографировали икону с двух сторон. Икону, обнаруженную Студенцовым, осматривал судебный следователь 1-го участка Могилевского уезда уже в середине января 1916 г. В некоторых случаях, даже имея фотографии, исполненные профессиональными фотографами, как, например, в случае с собором в г. Прасныше, комиссия не имела свидетелей для расследования дела, поскольку никаких иных доказательств – ни опроса свидетелей, ни протокола с места обнаружения иконы, ни рапортов благочинных – не имелось. Между тем если бы о. протопресвитер проявил чуть больше участия, документирование обстоятельств обнаружения оскверненных икон можно было бы делать тщательнее, и тогда Комиссия смогла бы работать быстрее и убедительнее.

Еще одно важное обстоятельство необходимо учитывать в этом вопросе. Набранные в большинстве из епархий священники, не имевшие ни представления о превратностях военной жизни, ни связи с паствой, особенно во вновь сформированных полках, не были ориентированы ни на пропаганду полковых традиций и воспитание уважения к полковым святыням, ни на эвакуацию имеющегося церковного имущества в случае необходимости. Поэтому, отходя с войсками, они оставляли иконы и церковное имущество врагу. Ни о каком спасении с тонущего корабля или выносе на себе уже не могло быть и речи – иконы просто бросали. Не лучше обстояло дело и с эвакуацией церковного имущества стационарных церквей и католических костелов, хотя здесь усилия прилагались. Например, благочинный Брест-Литовского крепостного района, настоятель Брест-Литовского крепостного собора протоиерей Иоанн Ефимиевич Протопопов, в благочинии которого было 8 церквей, а с началом войны добавились полковые и госпитальные священники, смог организовать эвакуацию имущества вверенных ему церквей почти полностью; то, что не удавалось вывезти, прятали и даже закапывали. Настоятель Новогеоргиевского крепостного собора протоиерей Федор Евдокимович Морозов собрал и вывозил имущество своего собора с риском для собственной жизни – в результате он в начале августа 1915 г. попал в плен вместе с диаконом Александром Москвиным. В ноябре 1915 г. вернулся из плена уже почти ослепший – ему пришлось перенести три операции по удалению катаракты [12, 153–154, 520]. Оба упомянутых священника – возрастные, их служение началось еще при А. А. Желобовском.

Наконец, следует отметить еще одно обстоятельство. Д. Байрау несколько переоценивает усилия церкви по пропаганде войны [1, 763]. Во всяком случае, Г. И. Шавельский не пользуется сведениями об осквернении икон для выработки образа врага в массовом сознании, а его статьи о зверствах германцев [37] хотя и касаются этого вопроса, но вскользь, в общем. Между тем реакция свидетелей, допрашивавшихся уже через два года после обнаружения оскверненных икон, показывает что они пережили сильнейшее эмоциональное потрясение.

Подводя итоги, можно отметить следующее.

Роль и место иконы на войне определялись веками.

Полки отправлялись на фронт, благословляемые иконами. Икона становилась в этот момент не только символом православия, но и воплощением патриотической идеи государства.

Очень большое значение имела передача икон воинам. Поднесение иконы полку в момент отправления в поход, особенно государем или начальствующими лицами, становилось символическим выражением ожидания от полка самоотверженности и подвигов. Икона как бы воплощает честь полка наряду со знаменем и в то же время становится залогом божественного покровительства полка. Наиболее четко это значение полковой иконы выявилось в китайском походе 1900 г. и Русско-японской войне 1904–1905 гг. В Первой мировой войне поспешное формирование и отправление на фронт полков, укомплектованных большим количеством новобранцев, не способствовало демонстрации полковых традиций, особенно потому, что традиции эти еще не сложились. Поднесения икон полкам случались редко, и то в основном «от города» или частными благодетелями, а о. протопресвитер не находил необходимым наделять вновь формируемые полки иконами при отправлении их на фронт.

Другое важное значение иконы на войне – осуществление символической связи между домом и сражающимися, между миром и войной. Для закрепления этой связи солдаты берут с собой личные небольшие иконы-образки. Эта маленькая икона приобретает дополнительные функции амулета-оберега, с ней вне зависимости от церковной пропаганды, а скорее, от собственных мистических настроений солдат [38, 239–245] сопрягаются различные приметы и предания, бытующие в солдатской среде (в т. ч. и о чудесных спасениях, и о материнском благословении, и о предупреждении об опасности, и о физической защите и т. д.). Чаще всего иконы такого рода – складные или нательные – солдаты получали дома, при отправлении к месту сбора призывников. Во время Русско-японской войны о. протопресвитер озаботился организовать поднесение мобилизованным подарков от своего имени, в числе которых были и небольшие образки. Кроме того, при прощании с войсками солдаты получали такого рода подношения и от императрицы, и от великих княжон, и просто от горожан. В годы Первой мировой войны этой практики не было, возможно, ввиду поспешности и значительно большей массовости мобилизации, а может быть, в силу недооценки значения небольших икон для солдат или в силу занятости,

возникшей в связи с работой съезда, но Г. И. Шавельский этим не занимался. Зато легенды о чудесном спасении с помощью нательных образков широко использовались пропагандой [1, 767].

Что не имело смысла – это поднесение икон начальствующим, отправляющимся на фронт. С точки зрения публичности такой акт, безусловно, более резонансный, чем раздача грошовых образков солдатам. Однако иконы эти, размещенные в вагоне-церкви или в церкви при Ставке, не имели назидательного и воспитательного смысла, и чем больше их становилось, тем меньше внимания они привлекали. Даже самые значимые из них, такие как «Явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию Радонежскому», терялись в общей массе.

Одна икона всегда производила большее впечатление, в особенности если ее возили на фронт для одушевления солдат. Однако здесь имелась одна тонкость. О приближении иконы нужно было оповещать, создавая обстановку торжественного ожидания, о ней должны были рассказывать полковые священники, «встреча» с иконой должна была превращаться в событие от начала до конца. Пропагандистское значение молебна войск перед знаменитой иконой не было в полной мере оценено ни в Русско-японскую, ни в Первую мировую войны. Если в Русско-японскую войну о «приближении» «Явления Пресвятой Богородицы преподобному Сергию Радонежскому» воинов предупреждают телеграммы за подписью государя, статьи в газетах сообщают об отправлении и следовании иконы на всем ее пути, везде устраиваются торжественные молебны, то Владимирская икона Божией Матери прибывает на фронт Первой мировой войны без особой помпы, молебен происходит под дождем, а лица, сопровождавшие икону, более всего озабочены возможностью получить аудиенцию и позавтракать с государем. Статьи, посвященные путешествию иконы, появляются постфактум, и никакого торжественного ожидания, патриотического порыва и слез умиления в войсках на самом деле организовать не удается. Впрочем, и в первом случае общее впечатление смазывается суетой и неподобающей торопливостью сопровождавших лиц.

Отдельно необходимо остановиться на чудесных иконах, появившихся во время Русско-японской и Первой мировой войн.

Чудо не появляется там, где его не ждут. Именно общественные ожидания способствуют появлению и распространению слухов о чуде.

В случае с Порт-Артурской иконой легенда возникает целиком и сразу – от появления некоего матроса и Георгиевского кавалера в декабре 1903 г. до быстро собранных денег, найденного бескорыстного живописца, написания иконы и отъезда ее из столицы в апреле 1904 г. Это именно «сказание», выдержанное в определенной литературной традиции.

Цельность истории, спокойно-благожелательное отношение церкви и симпатии со стороны высочайших особ позволяют получить визуализированное благословение движения на Восток, причем все события так или иначе привязаны к религиозным праздникам, а надпись на иконе должна свидетельствовать не только о неизбежности грядущей победы, но и о единении народа перед лицом войны.

«Чудесная история» быстро исчерпывает себя – чуда не произошло, и обстановка на фронте все более ухудшается. Наконец, и сама икона забывается. Вообще, несмотря на общий мистический настрой, религиозная идея в пропаганде Русско-японской войны оказывается малопродуктивной.

История явления Богородицы под Мариамполем представляет собой рассказ, первоначально лишенный цельного сюжета и противоречивый в деталях. Само явление, выход заметки о чуде также привязываются к определенным церковным датам.

Равнодушие священников, которые должны были сообщить о чудесном явлении начальствующим, и скептицизм Г. И. Шавельского чуть не привели к тому, что чудо осталось бы

незамеченным, и только настойчивость обер-прокурора, инициирующего «расследование», и несомненные симпатии высочайших особ способствовали тому, что обстоятельства дела все же начали выясняться. Пока тянулось расследование, история, много раз изложенная в различных статьях и отображенная в рисунках, уже получила широкую огласку.

Основные события, связанные с канонизацией Августовской, относятся к 1916 г. Это чрезвычайно показательно. Неудачи на фронте, начинающаяся деморализация армии заставляют усиленно искать новые подходы к пропаганде войны.

Между тем за два предыдущих года умонастроения общества изменились. Религиозные чувства, усиленные в первые месяцы войны, притупились. В 1914 г., вступая в войну, солдаты инстинктивно ищут защиты, берут с собой образки и крестики, верят и в знамения, и в явления. Однако религиозность солдат наталкивается, с одной стороны, на скептицизм и рационализм офицерства, а с другой – не получает подкрепления по причине отсутствия священника. Священники и сами, нагруженные сверх меры разнообразными практическими обязанностями, не могут воздействовать на солдат. Военный быт для многих из них становится невыносимым. Все чаще накопившаяся усталость порождает равнодушие, деморализует самих защитников веры. И вот уже они, отступая вместе с армией, оставляют врагу на поругание иконы. Некоторые священники покидают армию, возвращаясь в епархии.

Библиография:

1. Байрау Д. Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: Православное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, ист. фак.; [сост. д-р ист. наук Л. Г. Захарова, д-р ист. наук С. В. Мироненко, проф. Т. Эммонс; подгот. текста: Л. Г. Захарова и др.]. М.: РОССПЭН, 2008. С. 752–774.
2. Великая война в образах. 1915. Вып. 3 б/п.
3. Вратарница Дальневосточная // Глаголь. № 22 (44) от 5 декабря 2001 // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.hgam1891.ru> (дата обращения: 18 февраля 2015).
4. Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2014. 648 с.
5. Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. Т. II. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2013. 784 с.
6. Дневники святого Николая Японского. Т. 5. СПб.: Гиперион, 2004. 960 с.
7. Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода. М.: Родник, 1993. Т. 1. 345 с.
8. Жукова Л. В. Военное духовенство в Порт-Артуре в период Русско-японской войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 2. С. 33–43.
9. Жукова Л. В. Западные христианские миссионеры и русские военнопленные в Японии в 1904–1905 гг. // Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей XII международной конференции 28–30 ноября 2007. Выпуск 14. Часть II. М., 2010. С. 78–88.
10. Иванов И. Е. Военно-походные впечатления от Владивостока до Вафангоу и от Вафангоу до Ляояна командира роты 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Величества полка. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1907. 336 с.
11. Илларионова И. Чудесное обретение. Об истории написания и обретения иконы «Торжество Пресвятой Богородицы» // [Электронный ресурс] – URL: <http://vos.1september.ru/articlef.php?ID=200003705> (дата обращения: 18 февраля 2015).

12. Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М.: Информационный центр «Летопись», 2008. 752 с.
13. Курмояров И. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии // Летопись войны. 1915. Март. № 38. С. 604–608.
14. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Минск: Харвест, 2003. 672 с.
15. Леушинское подворье. Рассказ иконописца о создании Порт-Артурской иконы // [Электронный ресурс] – URL: http://leushino.ru/podvorie/l62_4.html (дата обращения: 18 февраля 2015).
16. Мальковский В. Н. Сказание об иконе «Торжество Пресвятой Богородицы», известной под именем Порт-Артурской иконы Божией Матери. Тверь, 1906.
17. Маслов П. Церковь в лесу // Вестник военного и морского духовенства. СПб., 1915. С. 360.
18. Мельников В. Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы // [Электронный ресурс] – URL: <http://pravicon.com/info-212> (дата обращения: 7 марта 2015).
19. Меркушов В. А. Записки подводника 1905–1915. М.: Согласие, 2004. 624 с.
20. Михайлов А. Г. Икона «Торжество Пресвятой Богородицы», или «Порт-Артурская» // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 1.
21. О расследовании чудесного события явления Божией Матери русским войскам под гор. Августовом. Открыто 30 сентября 1914 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 199–VI. Д. 277а.
22. Осквернение икон и святынь. Потопление парохода «Анкона». Насилия над мирными жителями [и другие материалы] / Высочайше учрежденная чрезвычайная следственная комиссия [для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками]. [Санкт-Петербург, 1916]. 20 с.
23. Отвергнутая победа. Икона «Торжество Пресвятой Богородицы» в Русско-японской войне / Под ред. И. В. Пикуля. СПб.; М.: Диоптра, 2003. 352 с.
24. Павлов Н. Б. Порт-Артурская икона «Торжество Пресвятой Богородицы» // Звонница-Курган. 2008. № 2. С. 88.
25. Панкеев И. А. Пресвятая Богородица. Чудотворные иконы и молитвы в житейских нуждах. М.: Астрель, 2007. 256 с.
26. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 384 с.
27. Преображенский И. В. Величайшая из великих войн с австро-немецкими и турками: За правду Божию, за свободу народов: Чудесное на войне. Пг.: Синодальная типография, 1916. 72 с.
28. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
29. Стратиевский Г. О. Общество изучения Амурского края // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.vladivostok.eparhia.ru/> (дата обращения: 18 февраля 2015).
30. Стратанович И. О чудесном явлении Божией Матери нижним воинским чинам обоим бригады лейб-гвардии кирасир Его и Ея Императорских Величеств // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 21. С. 732–734.
31. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс; Традиция, 1995. 496 с.
32. Фарберов А. И. Заступничество Богородицы за русских воинов в 1914 году. Августовская икона Божией Матери. М.: Ковчег, 2010. 336 с.
33. Чесский П. Ф. 215-й пехотный Бузулукский полк в войне с Японией 1904–1905 гг. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. 227 с.
34. Чудо // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1914. 25 сентября (8 октября). № 14395.
35. Чудотворная икона Владимирской Божией Матери на фронтах действующей армии // Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 19. С. 599.
36. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954. Т. 2. 412 с.
37. Шавельский Гр. Подвиги германских войск // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 21. С. 730–733.
38. Юбилейный справочник Императорской академии художеств. 1764–1914 / Сост. С. Н. Кондаков. Т. 2. СПб., 1914.
39. Norris Stephen M. A. War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812–1945. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2006. 277 p.

References (transliterated):

1. Bairau D. Fantazii i videniya v gody Pervoi mirovoi voiny: Pravoslavnoe dukhovenstvo na sluzhbe Vere, Tsaryu i Otechestvu // Petr Andreevich Zaionchkovskii. Sbornik statei i vospominanii k stoletiyu istorika / Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova, ist. fak.; [sost. d-r ist. nauk L. G. Zakharova, d-r ist. nauk S. V. Mironenko, prof. T. Emmons; podgot. teksta: L. G. Zakharova i dr.]. M.: ROSSPEN, 2008. S. 752–774.
2. Velikaya voina v obrazakh. 1915. Vyp. 3 b/p.
3. Vratarnitsa Dal'nevostochnaya // Glagol". № 22 (44) ot 5 dekabrya 2001 // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.hram1891.ru> (data obrashcheniya: 18 fevralya 2015).
4. Golubinskii E. E. Prepodobnyi Sergii Radonezhskii i sozdannaya im Troitskaya lavra. Svyato-Troitskaya Sergieva lavra, 2014. 648 s.
5. Dnevnik imperatora Nikolaya II (1894–1918). V 2 t. T. II. Ch. 2. M.: ROSSPEN, 2013. 784 s.
6. Dnevnik svyatogo Nikolaya Yaponskogo. T. 5. SPb.: Giperion, 2004. 960 s.
7. Zhevakhov N. D. Vospominaniya tovarishcha ober-prokurora Svyateishogo Sinoda. M.: Rodnik, 1993. T. 1. 345 s.
8. Zhukova L. V. Voennoe dukhovenstvo v Port-Arture v period Russko-yaponskoi voiny // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 2003. № 2. S. 33–43.
9. Zhukova L. V. Zapadnye khristianskie missionery i russkie voennoplennye v Yaponii v 1904–1905 gg. // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur. Sbornik statei XII mezhdunarodnoi konferentsii 28–30 noyabrya 2007. Vypusk 14. Chast' II. M., 2010. S. 78–88.

10. Ivanov I. E. Voenno-pokhodnye vpechatleniya ot Vladivostoka do Vafangou i ot Vafangou do Lyaoyana komandira rotы 1-go Vostochno-Sibirskogo strelkovogo Ego Velichestva polka. SPb.: Tipografiya A. S. Suvorina, 1907. 336 s.
11. Illarionova I. Chudesnoe obretenie. Ob istorii napisaniya i obreteniya ikony «Torzhestvo Presvyatoi Bogoroditsy» // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://vos.1september.ru/articlef.php?ID=200003705> (data obrashcheniya: 18 fevralya 2015).
12. Kapkov K. G. Pamyatnaya kniga rossiiskogo voennogo i morskogo dukhovenstva XIX – nachala XX vekov. Spravochnye materialy. M.: Informatsionnyi tsentr «Letopis'», 2008. 752 c.
13. Kurmoyarov I. Ego Imperatorskoe Velichestvo Gosudar' Imperator Nikolai Aleksandrovich v deistvuyushchei armii // Letopis' voiny. 1915. Mart. № 38. S. 604–608.
14. Lemke M. K. 250 dnei v tsarskoi stavke. Minsk: Kharvest, 2003. 672 s.
15. Leushinskoe podvor'e. Rasskaz ikonopistsa o sozdanii Port-Arturskoi ikony // [Elektronnyi resurs] – URL: http://leushino.ru/podvorie/l62_4.html (data obrashcheniya: 18 fevralya 2015).
16. Mal'kovskii V. N. Skazanie ob ikone «Torzhestvo Presvyatoi Bogoroditsy», izvestnoi pod imenem Port-Arturskoi ikony Bozhiei Materi. Tver', 1906.
17. Maslov P. Tserkov' v lesu // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. SPb., 1915. S. 360.
18. Mel'nikov V. Chudotvornye ikony Presvyatoi Bogoroditsy // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://pravicon.com/info-212> (data obrashcheniya: 7 marta 2015).
19. Merkushev V. A. Zapiski podvodnika 1905–1915. M.: Soglasie, 2004. 624 c.
20. Mikhailov A. G. Ikona «Torzhestvo Presvyatoi Bogoroditsy», ili «Port-Arturskaya» // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1990. № 7. S. 1.
21. O rassledovanii chudesnogo sobytiya yavleniya Bozhiei Materi russkim voiskam pod gor. Avgustovom. Otkryto 30 sentyabrya 1914 g. // Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 796. Op. 199–VI. D. 277a.
22. Oskvernenie ikon i svyatyn'. Potoplenie parokhoda «Ankona». Nasiliya nad mirnymi zhitelyami [i drugie materialy] / Vysochaishe uchrezhdenaya chrezvychainaya sledstvennaya komissiya [dlya rassledovaniya narushenii zakonov i obychaev voiny avstro-vingerskimi i germanskimi voiskami]. [Sankt-Peterburg, 1916]. 20 s.
23. Otvergnutaya pobeda. Ikona «Torzhestvo Presvyatoi Bogoroditsy» v Russko-yaponskoi voine / Pod red. I. V. Pikulya. SPb.; M.: Dioptra, 2003. 352 s.
24. Pavlov N. B. Port-Arturskaya ikona «Torzhestvo Presvyatoi Bogoroditsy» // Zvonitsa-Kurgan. 2008. № 2. S. 88.
25. Pankeev I. A. Presvyataya Bogoroditsa. Chudotvornye ikony i molitvy v zHITEISKIKH nuzhdakh. M.: Astrel', 2007. 256 s.
26. Popov I. I. Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 384 s.
27. Preobrazhenskii I. V. Velichaishtaya iz velikikh vojn s avstro-nemtsami i turkami: Za pravdu Bozh'yu, za svobodu narodov: Chudesnoe na voine. Pg.: Sinodal'naya tipografiya, 1916. 72 s.
28. Senyavskaya E. S. Psikhologiya voiny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii. M.: ROSSPEN, 1999. 383 s.
29. Stratievskii O. Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraja // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.vladivostok.eparhia.ru/> (data obrashcheniya: 18 fevralya 2015).
30. Stratanovich I. O chudesnom yavlenii Bozhiei Materi nizhnim voinskim chinam oboza brigady leib-gvardii kirasir Ego i Eya Imperatorskikh Velichestv // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1914. № 21. S. 732–734.
31. Tarasov O. Yu. Ikona i blagochestie: Ocherki ikonogo dela v imperatorskoi Rossii. M.: Progress; Traditsiya, 1995. 496 s.
32. Farberov A. I. Zastupnichestvo Bogoroditsy za russkikh voynov v 1914 godu. Avgustovskaya ikona Bozhiei Materi. M.: Kovcheg, 2010. 336 s.
33. Chesskii P. F. 215-i pekhotnyi Buzulukskii polk v voine s Yaponiei 1904–1905 gg. SPb.: Tipografiya A. S. Suvorina, 1906. 227 s.
34. Chudo // Birzhevye vedomosti. Vechernii vypusk. 1914. 25 sentyabrya (8 oktyabrya). № 14395.
35. Chudotvornaya ikona Vladimirska Bozhiei Materi na frontakh deistvuyushchei armii // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1916. № 19. S. 599.
36. Shavel'skii G. I. Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoi armii i flota. N'yu-Iork: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1954. T. 2. 412 s.
37. Shavel'skii Gr. Podvigi germanskikh voisk // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1914. № 21. S. 730–733.
38. Yubileinyi spravochnik Imperatorskoi akademii khudozhestv. 1764–1914 / Sost. S. N. Kondakov. T. 2. SPb., 1914.
39. Norris Stephen M. A. War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812–1945. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2006. 277 p.